

А. А. Симоненко*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. На основании экспертных оценок и данных уголовной статистики в статье сделан вывод о низкой эффективности уголовно-правовых средств противодействия незаконному уголовному преследованию; выявлены факторы законодательного и правоприменительного характера, снижающие их эффективность; доказано, что фундаментальные причины низкой эффективности уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию находятся в правоприменительной плоскости.

Ключевые слова: незаконное уголовное преследование, эффективность уголовно-правовых норм, ст. 299 УК РФ.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.101-108

Важнейшим элементом системы правовых гарантий защиты личности от незаконного уголовного преследования являются уголовно-правовые средства. Не углубляясь в рассуждения об их социально-правовой обусловленности, отметим, что установление уголовной ответственности за незаконное уголовное преследование — это необходимая и полностью оправданная мера. Известный дореволюционный правовед А. Ф. Кони отмечал, что «уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и необдуманным привлечением его к уголовному преследованию»¹. Незаконное уголовное преследование необоснованно ограничивает права и свободы подозреваемого и обвиняемого, подрывает

доверие к органам предварительного расследования и прокуратуре, их авторитет, посягает на основополагающие принципы правосудия, может повлечь иные негативные социальные последствия. Как отмечается в практике конституционного нормоконтроля, «незаконное или необоснованное уголовное преследование является грубым посягательством на достоинство личности, поскольку человек становится объектом произвола со стороны органов государственной власти и их должностных лиц, призванных защищать права и свободы человека и гражданина от имени государства»².

С учетом характера, содержания и масштабов перечисленных социально-правовых последствий становится очевидным, что реакция государства на незаконное уголовное преследование не может ограничиться лишь устранением допущенных процессуальных нарушений и восстановлением прав участников

¹ См.: Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2. С. 401.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. С. Шашарина» // СПС «КонсультантПлюс».

© Симоненко А. А., 2018

* Симоненко Андрей Александрович, прокурор отдела по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью органов Следственного комитета Российской Федерации прокуратуры Воронежской области andrey181183@yandex.ru
394006, Россия, г. Воронеж, пер. Красноармейский, д. 126

уголовного судопроизводства. Не отрицая несомненную значимость компенсаторных механизмов (отмена незаконных и необоснованных процессуальных решений, реабилитация лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию), нужно признать, что противодействие незаконному уголовному преследованию не может обойтись без уголовной репрессии в отношении должностных лиц, принимавших не соответствующие закону процессуальные решения.

Действующее уголовное законодательство содержит ряд уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступные проявления незаконного уголовного преследования. Прежде всего к ним следует отнести специальные уголовно-правовые нормы, предусмотренные гл. 31 «Преступления против правосудия» УК РФ: об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба (ч. 3 ст. 299 УК РФ); об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1—2 ст. 299 УК РФ).

Ответственность за иные преступные проявления незаконного уголовного преследования (например, утверждение прокурором обвинительного заключения в отношении заведомо невиновного лица и направление уголовного дела в суд, поддержание государственного обвинения в отношении лица, в чьих действиях заведомо отсутствует состав преступления) гл. 31 УК РФ не предусмотрена. Однако это не означает, что подобные деяния не являются преступными. Они могут быть квалифицированы на основании общих уголовно-правовых норм об ответственности за должностные преступления (ст. 285, 286 УК РФ). Совокупность вышеуказанных общих и специальных норм (говорить о единой системе применительно к ним вряд ли возможно) образует норматив-

ную основу уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию, которая и станет предметом дальнейшего анализа.

Приступая к общей характеристике уголовно-правовых средств противодействия незаконному уголовному преследованию, сразу же отметим, что их эффективность невелика. Это признают все: ученые-правоведы, представители адвокатского сообщества, предприниматели, правозащитники и сами профессиональные участники уголовного судопроизводства, являющиеся адресатами соответствующих уголовно-правовых запретов³. Большинство опрошенных нами экспертов⁴ оценивают эффективность уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию как низкую (53,7 %) или недостаточную (32,5 %).

Надо признать, что подобные экспертные оценки имеют преимущественно ориентирующее значение, поскольку отечественная юридическая наука пока не располагает достоверными методиками определения эффективности уголовно-правовых норм (по крайней мере, соответствующие количественные критерии еще не разработаны). Тем не менее не согласиться с мнением экспертов о неэффективности уголовно-правовых средств противодействия незаконному уголовному преследованию невозможно, поскольку оно подтверждается данными уголовной статистики о показателях применения (а точнее — неприменения) соответствующих уголовно-правовых норм.

Обратимся к официальной статистике, взяв в качестве точки отсчета 2010 г., когда на уголовно-политическом и законодательном уровне был взят курс на защиту предпринимателей от незаконного уголовного преследования. Согласно статистическим данным норма об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1—2 ст. 299 УК РФ) с 2010 г. применялась не более 6 раз в год. Так, в 2010 г. по ч. 1—2 ст. 299 УК РФ зарегистрировано 4 факта привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, в 2011 г. — 6, в 2012 г. — 2, в 2013 г. —

³ См., например: *Титаев К., Четверикова И., Шепелева О., Шклярчук М.* Проблема правоохранительного давления на бизнес: ложные послышки и бесперспективные предложения. М., 2017 ; *Четверикова И.* Уроки либерализации: отправление правосудия по уголовным делам в экономической сфере в 2009—2013 гг. (исследовательский отчет). СПб. : ИПП ЕУСПб., 2016.

⁴ Опрошено 255 экспертов, среди которых 95 прокуроров, 45 судей, 36 следователей Следственного комитета РФ, 39 следователей органов внутренних дел Российской Федерации, 40 дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации.

3, в 2014 г. — 5, в 2015 г. — 5, в 2016 г. — 4, в 2017 г. — 1⁵, что явно не соответствует фактической распространенности подобных преступных деяний⁶. Об этом свидетельствуют результаты специальных исследований, согласно которым расчетный коэффициент латентности для привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1—2 ст. 299 УК РФ) составил 5 пунктов⁷. Причем есть основания полагать, что эти данные являются существенно заниженными. По мнению опрошенных нами экспертов, соотношение зарегистрированных и фактически совершенных преступлений, предусмотренных ч. 1—2 ст. 299 УК РФ, составляет: 1 к 5 (4,7 %); 1 к 10 (6,7 %); 1 к 15 (9,0 %); 1 к 20 (11,0 %); 1 к 25 (12,5 %); 1 к 30 (14,5 %); 1 к 40 (13,7 %); 1 к 50 (12,4 %); 1 к более 50 (13,3 %), при этом 1,6 % опрошенных затруднились с ответом.

Норма об ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 3 ст. 299 УК РФ), введенная Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 436-ФЗ, в 2017 г. не применялась ни разу, хотя ее включение в уголовный закон обосновывалось распространенностью практики незаконного возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей⁸. Таким образом, уголовно-правовые нормы, сформулированные в ст. 299 УК РФ, можно отнести к числу «мертвых» норм.

Не лучше обстоит дело и с общими нормами об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ). «Мертвыми» их, конечно же, назвать нельзя, поскольку они востребованы в правоприменительной практике. Но проблема в том, что к должностным

лицам, осуществлявшим незаконное уголовное преследование, они практически не применяются, хотя основания для этого имеются довольно часто. В процессе исследования нам удалось обнаружить лишь единичные случаи, когда преступные проявления незаконного уголовного преследования были квалифицированы по ст. 285 или 286 УК РФ. И это при том, что практически каждый факт заведомо незаконного уголовного преследования содержит признаки состава должностного преступления.

Теоретически «бездействие» указанных общих и специальных уголовно-правовых норм можно было бы объяснить низкой распространенностью преступных проявлений незаконного уголовного преследования. Однако подобные объяснения представляются совершенно неубедительными. Данные о результатах прокурорского надзора за следствием и дознанием, а также статистические сведения о реабилитации показывают, что факты незаконного уголовного преследования исчисляются десятками тысяч, а их количество растет.

Так, в 2016 г. прокурорами отменено 19 359 постановлений о возбуждении уголовного дела (5 316 постановлений органов предварительного следствия и 14 043 постановлений органов дознания). В 2017 г. прокуроры отменили 17 205 незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела⁹.

По итогам 2016 г. органами предварительного расследования и судами было вынесено 18 767 решений, повлекших признание права на реабилитацию (+34,0 % к показателям 2012 г.), причем 7 486 лиц реабилитированы по всем пунктам обвинения. В 2017 г. количество решений, повлекших признание права на реабилитацию, незначительно снизилось (до 18 543), но при этом число лиц, реабилитиро-

⁵ Данные приведены по: Единый отчет о преступности : сводный отчет по Российской Федерации по форме 491 за январь — декабрь соответствующего года (официально не публикуется).

⁶ Исследователи отмечают, что корыстное использование следователями и дознавателями своего служебного положения приобрело большие масштабы (см.: *Брайцева Е. А.* Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел (криминологический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 14—15).

⁷ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С. М. Иншакова. М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2011. С. 541.

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 169 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Данные приведены по: Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства : сводный отчет по Российской Федерации по форме НСД за январь — декабрь соответствующего года (официально не публикуется).

ванных по всем пунктам обвинения, возросло до 7 770¹⁰.

Значительное распространение имеет и практика заведомо незаконного поддержания государственного обвинения. Сопоставление числа подсудимых, в отношении которых прокуроры отказались от обвинения (в 2016 г. — 68 лица, в 2015 г. — 84, в 2014 г. — 96), с количеством подсудимых, которые, вопреки позиции государственного обвинителя, были оправданы судом (в 2016 г. — 995 лиц, в 2015 г. — 968, в 2014 г. — 1 165 лиц), свидетельствует о том, что «прокуроры нередко поддерживали обвинение при отсутствии достаточных доказательств»¹¹, что «во многих случаях прокуроры продолжали настаивать на обоснованности обвинения и при отсутствии достаточных доказательств, подтверждающих такой вывод»¹². Например, в докладной записке прокуратуры Алтайского края указано, что «причинами вынесения реабилитирующих судебных решений являлись ошибки органов предварительного следствия, в том числе *отсутствие в материалах уголовного дела совокупности доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении преступления*»¹³. В связи с этим в ежегодных информационно-аналитических материалах, подготавливаемых Академией Генеральной прокуратуры РФ, признается, что «неединичный характер носили факты направления прокурорами в суд уголовных дел, расследование по которым проведено некачественно, что обусловило постановление оправдательных приговоров»¹⁴. За этой обтекаемой формулировкой скрываются десятки и сотни фактов заведомо незаконного поддержания государственного обвинения. Однако, как показало проведенное нами исследование, эти факты не получают надлежащей уголовно-правовой оценки по ст. 285 или 286 УК РФ. По крайней мере, случаи привлечения прокуроров

к уголовной ответственности за заведомо незаконные утверждение обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) и поддержание государственного обвинения нам неизвестны.

Интерпретируя эти данные, разумеется, необходимо учитывать, что далеко не каждый факт незаконного уголовного преследования содержит признаки преступления и, соответственно, не все они требуют уголовно-правового реагирования. Как показывает практика, незаконное уголовное преследование может стать следствием добросовестного заблуждения сотрудников органов предварительного расследования и прокуратуры о виновности подозреваемого или обвиняемого (например, вызванного самооговором, ложными показаниями потерпевшего или свидетелей) или «извинительной» ошибки в уголовно-правовой оценке совершенного им деяния (она может быть обусловлена неопределенностью законодательства и практики его применения, недостаточной квалификацией следователя, дознавателя). Поскольку российское уголовное право базируется на принципе вины (ст. 5 УК РФ), в подобных случаях сотрудники органов предварительного расследования и прокуратуры не могут быть привлечены к уголовной ответственности за умышленное должностное преступление. Вместе с тем вполне очевидно, что исключительно профессиональными ошибками объяснить столь масштабную практику незаконного уголовного преследования невозможно. Зачастую оно осуществляется умышленно и целенаправленно, однако даже в этих случаях уголовно-правовое реагирование на подобные преступные действия осуществляется крайне избирательно.

С учетом вышеизложенного недостаточная эффективность уголовно-правовых средств противодействия незаконному уголовному пре-

¹⁰ Данные приведены по: Сведения о реабилитации лиц в порядке, установленном главой 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сводный отчет по Российской Федерации по форме Р за январь — декабрь соответствующего года (официально не публикуется).

¹¹ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2015 год : информ.-аналитич. записка / под общ. ред. ректора Академии Генеральной прокуратуры РФ д-ра юрид. наук, проф. О. С. Капинус. М. : Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2016. С. 87—88.

¹² Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2016 год : информ.-аналит. записка / под общ. ред. ректора Академии Генеральной прокуратуры РФ д-ра юрид. наук, проф. О. С. Капинус. М. : Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2017. С. 79.

¹³ Документ официально не опубликован.

¹⁴ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2016 год. С. 78.

следованию представляется очевидной. Если незаконное уголовное преследование получило достаточно высокую распространенность, а нормы об ответственности за его преступные проявления при этом не применяются, то такие нормы по определению не могут считаться эффективными.

Низкая эффективность (неэффективность) уголовно-правовых средств противодействия незаконному уголовному преследованию объясняется совокупностью факторов. К ним, безусловно, следует отнести *законодательные просчеты, допущенные при конструировании специальных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступные проявления незаконного уголовного преследования*. Не углубляясь в детальный разбор конкретных законодательных дефектов, отметим, что специализация уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное уголовное преследование, осуществлена фрагментарно и непоследовательно. Специальные нормы, содержащиеся в ст. 299 УК РФ, предусматривают ответственность лишь за незаконное возбуждение уголовного дела в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности, а также за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, что оставляет иные преступные проявления незаконного уголовного преследования в сфере действия общих норм о должностных преступлениях. Разумные объяснения столь избирательной специализации уголовно-правовых норм отсутствуют.

Фрагментарная специализация уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное уголовное преследование, неизбежно порождает ряд негативных последствий.

Во-первых, возникают необъяснимые различия в уголовно-правовой оценке сходных по своей общественной опасности преступных проявлений незаконного уголовного преследования. Так, например, вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого (обвинительного акта, обвинительного постановления) в отношении заведомо невиновного лица влечет ответственность по ч. 1 или 2 ст. 299 УК РФ, тогда как не менее опасные действия прокурора, утвердившего обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление) в отношении заведомо невиновного лица и направившего уголовное

дело в суд, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 285 или 286 УК РФ. При этом первое деяние наказывается намного более строго (максимальное наказание по ч. 1 ст. 299 УК РФ — 7 лет лишения свободы, по ч. 2 ст. 299 УК РФ — 10 лет лишения свободы), чем второе (по ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ максимальное наказание составляет 4 года лишения свободы), что явно не соответствует правилам дифференциации уголовной ответственности и принципу справедливости.

Во-вторых, в результате столь непоследовательной нормативной регламентации у значительной части правоприменителей складывается впечатление, что уголовно наказуемы только те проявления незаконного уголовного преследования, которые предусмотрены специальными нормами. Таким образом, фрагментарная специализация блокирует действие общих норм об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ), что резко ограничивает возможности уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию.

Негативным образом на эффективности специальных уголовно-правовых норм об ответственности за преступные проявления незаконного уголовного преследования сказывается неопределенность признаков составов преступлений, предусмотренных этими нормами. Прежде всего это относится к норме об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. Часть 1 ст. 299 УК РФ имеет «простую» диспозицию; она лишь называет признаки состава преступления, не определяя их содержание, что само по себе создает неопределенность. Умножает неопределенность этой нормы ее несогласованность с уголовно-процессуальным законодательством. Учитывая специфику преступного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, с очевидностью напрашивается бланкетный способ изложения признаков состава преступления. Однако законодатель почему-то не отразил в этой норме бланкетную связь с УПК РФ, включив в нее понятия, которые не имеют нормативного определения в уголовно-процессуальном законодательстве (невиновный, уголовная ответственность, привлечение к уголовной ответственности). Отмеченные технико-юридические просчеты неизбежно порождают различные варианты интерпретации ч. 1 и 2 ст. 299 УК РФ и, как следствие, противоречивую правоприменительную практику (что проявляется

даже на уровне Верховного Суда РФ), создают предпосылки для квалификационных ошибок, отрывают широкий простор для произвольного правоприменения, что явно не способствует эффективному действию указанной нормы¹⁵.

Впрочем, неэффективность уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию было бы неверно объяснять исключительно несовершенством уголовного законодательства. Признавая дефектность специальных уголовно-правовых норм, нельзя не отметить, что, по большому счету, все преступные проявления заведомо незаконного уголовного преследования «перекрываются» общими нормами об ответственности за должностные преступления (ст. 285 и 286 УК РФ). В случаях, когда уголовное преследование осуществлялось *заведомо незаконно* (при осведомленности об отсутствии материально-правовых оснований или о наличии процессуальных препятствий для его осуществления), в действиях должностного лица (сотрудника органа предварительного расследования и (или) прокурора) имеются все признаки состава должностного преступления, предусмотренного ст. 285 или 286 УК РФ. Поэтому о пробельности уголовного законодательства в этом случае говорить не приходится.

Следовательно, фундаментальные причины низкой эффективности уголовно-правовых средств противодействия незаконному уголовному преследованию находятся *в правоприменительной плоскости*. Это подтверждает большинство (74,1 %) опрошенных нами экспертов.

Пожалуй, самая серьезная проблема заключается в том, что отечественная система уголовной юстиции не заинтересована в том, чтобы виновные в преступных проявлениях незаконного уголовного преследования понесли уголовную ответственность. Руководствуясь ложно понятыми интересами службы, корпоративной солидарностью, желанием избежать ответственности за слабый процессуальный контроль или скрыть свою непосредственную причастность к преступным действиям, руководители следственных органов, подразделений и органов дознания стараются не предавать

огласке факты совершения их подчиненными должностных преступлений, связанных с незаконным уголовным преследованием. А следователи Следственного комитета РФ, к подследственности которых относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 285, 286, 299 УК РФ, крайне неохотно возбуждают подобные дела в отношении своих коллег. По крайней мере, в ходе изучения судебной практики по уголовным делам о преступных проявлениях незаконного уголовного преследования нам не удалось обнаружить приговоров в отношении следователей Следственного комитета РФ. Обращая внимание на это обстоятельство, Генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка отметил, что «следователи Следственного комитета не спешат привлекать к уголовной ответственности своих коллег и за незаконное ограничение конституционных прав граждан... В 2013 г. согласно сведениям, отраженным в следственных отчетах, число незаконно задержанных и арестованных всеми органами составило 1 195. Многие из них содержались под стражей годами, размер подлежащего возмещению реабилитированным за счет казны вреда составил почти 700 млн руб. Однако по ст. 301 УК РФ — за незаконное задержание либо заключение под стражу — к ответственности никто не привлечен. Иного результата мы не увидим, пока уголовно-правовая оценка допущенных следователями нарушений будет осуществляться самими следователями. Возлагаемые в подобных ситуациях надежды на эффективный ведомственный контроль, к сожалению, уже давно себя не оправдывают (вопреки балансу следователей и их руководителей)»¹⁶.

Справедливости ради нужно признать, что и прокуроры, надзирающие за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, нередко закрывают глаза на преступные проявления незаконного уголовного преследования, ограничиваясь отменой незаконных процессуальных решений или требованиями об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства. Об этом косвенно свидетельствует обобщение результатов прокурорской деятельности. Например,

¹⁵ Подробнее об этом см: Симоненко А. А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ): правовая неопределенность состава и ее преодоление // Общество и право. 2016. № 4. С. 46—51.

¹⁶ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. И. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 29 апреля 2014 г. // URL.: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/145875/ (дата обращения: 10.01.2018).

в Обзоре состояния прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия в Северо-Кавказском федеральном округе в первом полугодии 2017 г.¹⁷ отмечается: «Нарушения норм уголовного и уголовно-процессуального законов допускаются и при возбуждении уголовных дел. Прокурорами признаны незаконными и отменены 726 постановлений о возбуждении уголовного дела, 96 % из которых приняты органами следствия и дознания МВД России. Постановления отменялись в связи с принятием процессуального решения за пределами установленного УПК РФ срока, неполнотой проверки и *очевидным отсутствием признаков преступления*». При этом, судя по содержанию обзора, вопрос об уголовной ответственности дознавателей и следователей, возбуждавших уголовные дела при очевидном отсутствии признаков преступления (состава преступления), даже не ставился, а полномочия прокурора, предусмотренные п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, не использовались.

Эффективность уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию дополнительно снижает ограничительное толкование специальных норм, предусмотренных ст. 299 УК РФ. Так, например, на практике сформировалось устойчивое мнение, что ч. 1—2 ст. 299 УК РФ может применяться только в тех случаях, когда к уголовной ответственности привлечено лицо, которое заведомо не совершало никакого преступления. При такой трактовке за рамками ч. 1—2 ст. 299 УК РФ остается целый ряд общественно опасных проявлений незаконного уголовного преследования: привлечение лица к уголовной ответственности за более тяжкое преступление в сравнении с тем, какое им было фактически совершено; вменение нескольких преступных деяний лицу, которое совершило одно преступление. Между тем указанные деяния, по идее, должны полностью охватываться ч. 1—2 ст. 299 УК РФ¹⁸. Когда лицо, фактически совершившее преступление, обвиняется в совершении другого, более тяжкого преступного деяния или в совершении

дополнительного преступления, имеет место привлечение к уголовной ответственности при отсутствии признаков состава преступления. Но в результате ограничительного толкования сфера применения уголовно-правовой нормы об ответственности за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности оказалась существенно зауженной, что, конечно же, снижает ее эффективность.

Отрицательное воздействие на эффективность уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию оказывает неверная квалификация, в результате которой многие деяния, содержащие признаки состава преступления, не признаются преступными. Разумеется, при уголовно-правовой оценке столь непростых деяний избежать подобных ошибок невозможно. Однако проблема в том, что они приобрели настолько массовый характер, что фактически превратились в устойчивую правоприменительную практику. Не углубляясь в детальный анализ этих квалификационных ошибок, отметим, что заведомо незаконное уголовное преследование, осуществляемое в отсутствие материально-правовых оснований или при наличии процессуальных препятствий, нередко признается всего лишь дисциплинарным проступком, хотя в содеянном усматриваются все признаки должностного преступления. Уголовная ответственность за заведомо незаконное уголовное преследование подменяется дисциплинарной, что, по сути, равнозначно безнаказанности.

Итак, недостаточная эффективность уголовно-правового противодействия незаконному уголовному преследованию обусловлена дефектами уголовного законодательства и правоприменительной практики. Конечно же, констатировать это обстоятельство недостаточно. Необходимо определить способы ликвидации или по крайней мере минимизации указанных дефектов, наметить основные направления законодательного совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за преступные проявления незаконного уголовного преследования и оптимизации правоприменительной практики.

¹⁷ Документ официально не опубликован.

¹⁸ См.: Симоненко А. А. Указ. соч.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брайцева Е. А. Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел (криминологический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
2. Кони А. Ф. Избранные произведения. — М., 1959. — Т. 2.
3. Симоненко А. А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ): правовая неопределенность состава и ее преодоление // Общество и право. — 2016. — № 4.
4. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С. М. Иншакова. — М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2011.
5. Титаев К., Четверикова И., Шепелева О., Шклярук М. Проблема правоохранительного давления на бизнес: ложные послышки и бесперспективные предложения. — М., 2017.
6. Четверикова И. Уроки либерализации: отправдение правосудия по уголовным делам в экономической сфере в 2009—2013 гг. (исследовательский отчет). — СПб. : ИПП ЕУ СПб., 2016.

Материал поступил в редакцию 18 июня 2018 г.

CRIMINAL LEGAL MEANS OF COMBATING ILLEGAL CRIMINAL PROSECUTION: EFFICIENCY EVALUATION

SIMONENKO Andrey Aleksandrovich, Prosecutor of the Department for Supervision over Criminal Procedure Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation of the Voronezh region
Prosecutor's office
andrey181183@yandex.ru
394006, Russia, Voronezh, Krasnoarmeyskiy pereulok, d. 12b

Abstract. Based on the expert assessments and data of criminal statistics, the author make a conclusion about low efficiency of criminal legal means of combating illegal criminal prosecution. The paper identifies factors of legislative and law enforcement nature, reducing their effectiveness. It is proved that the fundamental reasons for the low efficiency of criminal legal counteraction to illegal criminal prosecution lie in the law enforcement plane.

Keywords: illegal criminal prosecution, criminal law efficiency, art. 299 of the Criminal Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Braitseva E. A. *Prestupleniya, sovershaemye sledovatelyami i doznavatel'nyami v sisteme organov vnutrennikh del (kriminologicheskii aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes committed by investigating officers and investigators in the system of Internal Affairs bodies (criminological aspect): Abstract of the PhD Thesis]. Moscow, 2005.
2. Koni A.F. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1959. Vol. 2.
3. Simonenko A.A. *Privlechenie zavedomo nevinovnogo k ugovolnoy otvetstvennosti (st. 299 UK RF): pravovaya neopredelennost sostava i ee preodolenie* [Bringing knowingly innocent to criminal liability (art. 299 of the Criminal Code of the Russian Federation): legal uncertainty of composition and its overcoming]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law]. 2016. No. 4.
4. *Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoy prestupnosti: monografiya* [Theoretical basis of research and analysis of latent crime: monograph]. Edited by S.M. Inshakov. Moscow: Yuniti-Dana Publ.: Legislation and Law, 2011.
5. Titaev K., Chetverikova I., Shepeleva O., Shklyaruk M. *Problema pravookhranitel'nogo davleniya na biznes: lozhnye posylki i besperspektivnye predlozheniya* [The Problem of law enforcement pressure on business: false assumptions and hopeless proposals]. Moscow, 2017.
6. Chetverikova I. *Uroki liberalizatsii: otpravlenie pravosudiya po ugovolnym delam v ekonomicheskoy sfere v 2009—2013 gg. (issledovatel'skiy otchet)* [Lessons of liberalization: administration of justice in criminal cases in the economic sphere in 2009—2013 (research report)]. St. Petersburg: The Institute of the Rule of Law, St. Petersburg European University, 2016.